

1. Статьи

службой морали, ценным только в силу своей моральной полезности. Юристы имели, однако, в виду добиться с помощью такой деградации права его нобилитации. Предполагаемая нравственная второразрядность права сопровождается признанием права как необходимого условия воплощения этических требований. Такое опасение является результатом неправильной оценки положений о теоретической обязательности в кантовском праве разума. Право не нуждается в нравственной нобилитации, так как ему в равной степени присуще нравственное достоинство. Его нормативность укреплена в той же значимо-логической причине, где и нормативность морали. Право ни в коей мере не является второразрядным видом морали. Между моралью и правом в контексте Кантовой философии чистого практического разум нет никакой разницы в обязательности. Право так же свободно от посредничества и инструментализации; нет речи о правовой трансцендентальной цели, дававшей бы праву смысл и легитимацию в качестве средства своего достижения; нет внеправовой ценности, которой бы служило право.

Пер. с нем. Е.Ю. Винокурова.

Е.Ю. ВИНОКУРОВ

(Калининградский университет)

Кантианский характер философских теорий глобальной политики Вольфганга Керстинга и Отфрида Хёффе

1. К современной философской дискуссии в области международных отношений

Несмотря на то, что современная политическая философия международных отношений развивается преимущественно в англосаксонском мире, ей уделяется все больше внимания и в континентальной Европе. Европейские ученые, опираясь на ве-

ликие философские традиции Старого континента, принимают активное участие в обсуждении проблем международных отношений. Особая роль принадлежит философскому наследию Иммануила Канта, оказывающему непосредственное влияние на современный философско-политический дискурс. Важнейшее значение имеют философские концепции двух оригинальных немецких мыслителей – Вольфганга Керстинга и Отфрида Хёффе. Задачей данной статьи является обоснование тезиса о кантианском характере их философских концепций.

2. «Трезвый универсализм» Вольфганга Керстинга

Керстинг основывает свою теорию на понятии права и прав человека. Идея прав человека имеет серьезных философских противников. Бентам оценил тезис о правах человека как «чепуху на ходулях», Маркс считал права человека не имеющей эмпирических оснований абстракцией правовой формы, коммуитарист Макинтайр сравнивает их с верой человека в единорогов и ведьм. Эти упреки покажутся убедительными, если мы взглянем на тот массив прав, который, например, в Пактах ООН рассматривается в качестве неотторжимых прав человека и гарантируется каждому. Поражает разрыв зафиксированного на бумаге и реальности, декларации универсального характера прав человека и действительного различия культур и традиций. Керстинг полагает своей задачей «диетическое лечение» прав человека, очистку их от риторической, гиперморальной и миссионерской эксплуатации идеи прав человека и нахождение их действительной универсальной основы. По его мнению, политическую философию международных отношений необходимо базировать на минималистском понимании прав человека. Керстинг опирается на Кантову фундаментальную интуицию права – всеобщей правовой формы, независимо от позитивного законодательства приписывающей каждому человеку неотторжимые права¹. Какова же семантика универсальных прав человека? Теоретически обос-

¹ *Kersting, Wolfgang. Plädoyer für einen nüchternen Universalismus. Manuskript. S. 10.*

нованное понятие должно быть устойчиво по отношению к критике со стороны партикуляризма и релятивизма. Для этого содержание понятия прав человека должно быть в состоянии найти универсальное признание, то есть должно быть разделимо в рамках всех культур и цивилизаций, должно быть независимо от культурной герменевтики. Керстинг указывает на ошибочность тезиса о правах человека как ответа на конкретную неправую практику. Тезис логически ошибочен, так как понятие права является предпосылкой для понятия неправовой практики. Чтобы избежать этой ошибки, мы должны найти описательную формулировку, свободную от всякой нормативной основы².

В своей дескриптивной формулировке мы можем и должны опираться на антропологические аргументы. Предметом интереса Вольфганга Керстинга является человек как таковой, человек биологической классификации, *homo sapiens*. Только с помощью строгой натурализации человека мы в состоянии достигнуть ядра понятия прав человека. Человек есть существо конечное, смертное, уязвимое и способное страдать; правочеловеческая защита опирается на очевидность человеческой ранимости и предпочтительности отсутствия угрозы смерти, боли, насилия, пыток, голода, подавления и эксплуатации. Керстинг указывает на восходящую к естественно-правовому учению о долге XVII-XVIII веков ориентацию на человеческое *esse* как условие возможности существования и на *bene esse* как условие счастливой и удавшейся или даже совершенной жизни. В стремлении найти универсальное ядро прав человека необходимо ориентироваться на узкий круг *esse*, находящийся в докультурной зоне человеческого существования. Керстинг использует термины «кондициональные права» и «программные права». Кондициональные права являются теми условиями, которые должны быть выполнены, чтобы дать человеку возможность вести мирное и ненасильственное человеческое существование. Программные права должны быть исполнены дополнительно, чтобы обеспечить человеку возможность «хо-

---

² Ibid. S. 11.

рошей» жизни. В их конкретном содержании возможны различия, возникающие из исторических и культурных особенностей. Истинные же права человека, по определению являющиеся универсальными, базируются на антропологии, общей для всех. Свою эпистемологию прав человека Керстинг основывает на трех «антропологических фактах», а именно: во-первых, уязвимость человека перед лицом другого человека, во-вторых, зависимость от средств поддержания жизни, прежде всего питания, и, в-третьих, динамичная природа человека, его способность улучшить свои способности с помощью соответствующего образования и большой ценности жизни, предполагающей саморазвитие³.

На этой антропологической основе могут быть выделены три права, или три группы прав, универсального характера: право на существование (*Existenzrechte*), права на поддержание существования (*Subsistenzrechte*) и на развитие (*Entwicklungsrechte*). Подчеркивая универсальный и антропологический характер прав человека, Керстинг называет их трансцендентально-антропологическими правами. Под правом на существование имеются в виду права на жизнь, на телесную неприкосновенность и базовую безопасность, то есть ненасильственный характер жизненных обстоятельств и надежный политический порядок⁴. Эта группа прав указывает на грань между пограничной ситуацией и нормальностью; она гарантирует коллективно-институциональные условия имеющей смысл жизни. Права на существование характеризуют однозначность экзистенции. Сами права этой группы негативны, они исполняются не через действия, а через воздержание от совершения определенных действий. В отличие от негативных прав на существование группа прав на поддержание существования предполагает позитивные действия, направленные на обеспечение поддержания существования людей и групп людей, попавших в экстремальные положения ввиду

³ Ibid. S. 13, 17-18.

⁴ Ibid. S. 14.

войн, голода, природных катастроф и т.д. Она должна быть дополнена, по мнению Керстинга, третьей группой прав – на развитие. Эти права также предполагают необходимость позитивных действий по созданию соответствующих образовательных систем, обеспечивающих человеку возможность развивать свои способности и таланты. Очевидно, что тем самым концепция прав человека открывается внутренней градации по степени приоритетности обеспечения. Права на существование и на поддержание существования принципиально обладают приоритетом по отношению к правам на развитие.

Универсализм своей концепции Вольфганг Керстинг характеризует как «трезвый» в силу трех особенностей. Во-первых, концепция правочеловеческого универсализма на антропологической основе имеет правовой характер. Во-вторых, она не является конкретно ценностно-ориентированной. В-третьих, она совместима с нравственным партикуляризмом. Только узкий круг прав, базирующийся на определенных антропологических предпосылках, универсально значим. Программные права, напротив, зависят от конкретного партикулярного контекста. Более того, широкая концепция прав человека требует для обретения действенности многосторонней контекстуализации и партикуляризации.

В правоуниверсалистской теории Генри Шу мы также встречаемся с универсальными основными правами, принадлежащими каждому⁵. Однако там, где речь заходит о конкретном обеспечении этих прав, Шу ограничивается общими принципами индивидуальной этики и не предполагает необходимости создания каких-либо институтов помимо уже существующих в рамках национальных государств.

Керстинг идет значительно дальше. Он указывает на то обстоятельство, что защита прав человека может быть гарантирована только в государстве и связь между правами человека и государством неразрывна. Керстинг ориентируется на канти-

---

⁵ См.: *Shue, Henry*. Basic Rights. Subsistence, Affluence and U.S. Foreign Policy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980.

анскую модель общественного договора и приписывает ему глобальный характер. Контрактуализм преодолевает парадигму национального государства и выходит за его пределы. При последовательной интерпретации идеи общественного договора мы обязательно приходим к контрактуалистскому космополитизму. Керстинг указывает на гениальность Канта, логически продолжившего теорию общественного договора за гобсианские пределы границ национального государства и характеризовавшего любую политико-организационную форму ниже глобального уровня как временную. Естественное состояние может быть преодолено только с установлением торжества права и на международном уровне⁶.

Керстинг следует по одному пути вместе с Кантом и глобальными контрактуалистами и отклоняется от них только на этапе решения вопроса о создании наднациональных институтов власти. В центре дискуссии находится вопрос о суверенитете. Уровни нормативных принципов и их институционального воплощения у Канта, критикует Керстинг, распадаются. Именно там, где понятие права достигает своей высшей точки, само право неожиданно обрывается. Реализацию глобального мира должна обеспечить конфедерация, не наделенная никакими властными полномочиями и обладающая исключительно моральным характером. Кант с тяжелым сердцем совершает этот выбор, будучи связанным догмой абсолютного суверенитета. Но, задает вопрос Керстинг: «Что мешает нам применить концепцию многоуровневого суверенитета и конкретизировать “мирный” императив чистого правового разума в качестве требования основания институциональной политической системы между и над государствами с помощью частичного отказа от суверенитета, системы, которая положит конец отсутствию права в отношениях между государствами и создаст

⁶ См., напр.: *Kersting, Wolfgang. Die Politische Philosophie des Gesellschaftsvertrags. Darmstadt: Primus Verlag, 1996. S. 212-216; idem. Recht, Gerechtigkeit, und demokratische Tugend. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997. S. 262-264.*

основанные на законах внешнегосударственные отношения?»⁷. Функциональная интерпретация суверенитета открывает дорогу к возможности его частичной передачи на наднациональный уровень.

Керстинг откладывает координаты на оси выбора формы глобального политического устройства исходя из критерия передачи властных полномочий и дополняя его критерием правовой безопасности, или, другими словами, наполненности, обеспеченности правовых норм, конституирующих то или иное политическое устройство. Инкорпорируя кантианские представления, он выделяет четыре уровня: национальный, интранациональный, супранациональный и уровень мирового государства. Национальному уровню (межгосударственному политическому порядку) соответствуют два решения: во-первых, гоббсианское естественное состояние и, во-вторых, решение моральной конфедерации, «союза народов» Канта. Интранациональному уровню соответствует решение правовой конфедерации, уже характеризующейся наличием достаточно узкого круга правовых норм и инструментов их практического исполнения, но еще не обладающей федеративным характером. Супранациональному уровню соответствует федеративное решение на основе многоуровневого суверенитета. Наконец, как крайнюю возможность Керстинг также рассматривает вариант абсолютистского государства, Левиафана мирового масштаба⁸. Как уже стало ясно, он сам приходит к мысли о возможности и желательности осуществления третьего варианта – федеративного государства на основе частичной передачи суверенитета. Функции такого мирового государства бы-

⁷ Ibid. S. 269-270.

⁸ Данное деление разрабатывается Керстингом в его манускрипте с рабочим названием «Мечта мирового государства». Размышления по поводу выбора модели могут быть найдены, например, в: *Kersting, Wolfgang. Recht, Gerechtigkeit und demokratische Tugend. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997. S. 332-339*, а также в: *idem. Philosophische Friedenstheorie und internationale Friedensordnung // Politische Philosophie der internationalen Beziehungen. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1998. S. 523-554 (536-543)*.

ли бы ограниченными и направленными на гарантирование прав человека, прежде всего прав на существование и на поддержание существования. Ограниченности функций соответствовал бы и сравнительно узкий объем полномочий, которые должны быть, тем не менее, достаточны для обеспечения глобального мира и гарантирования права на поддержание существования. Концепция не предполагает монополии супранациональных институтов на средства принуждения (читай: на военную силу). Задача состоит в том, чтобы институционализировать международную кооперацию и тем самым исключить зависимость супранациональных демократических институтов от отдельных великих держав. Первое предусматривает оснащение супранациональных институтов судебными полномочиями и определенными средствами принуждения государств к исполнению решений международных судов. Как можно предположить исходя из сегодняшнего состояния международных отношений, даже такое ограниченное федеративное решение, призванное обеспечить трезвый универсализм прав человека, будет шагом исключительной радикальности.

3. Отфрид Хёффе: субсидиарная и федеральная мировая республика

Влияние философии государства и права Отфрида Хёффе, профессора в Тюбингене, растет с каждым годом. Созданная им философия международных отношений, кульминирующая в идее субсидиарной и федеральной мировой республики, расширяет сферу своего влияния. С известным допущением можно уже говорить о возникновении «хёффианской школы»⁹. Сам ученый излагал элементы своей теории в публикациях

---

⁹ «Птенцами гнезда Хёффе» являются, например, *Алессандро Пинцани* (Pinzani, Alessandro. Das Völkerrecht (§§ 53-61) // *Höffe, Otfried* (Hrsg.). Immanuel Kant. Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. Berlin: Akad. Verl., 1999. S. 235-256) и *Кристоф Хорн* (Horn, Christoph. Philosophische Argumente für einen Weltstaat // *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie* 21. 1996/3. S. 229-251).

1. Статьи

90-х годов¹⁰ и свел ее воедино в «Демократии во времена глобализации», вышедшей в свет в 1999 году¹¹. Я сосредоточу свой анализ именно на этом труде, лишь при необходимости обращаясь к другим работам Отфрида Хёффе.

Для Хёффе очевидна задача философии – быть адвокатом всего человечества. «С самого начала философия подчиняет себя притязанию на универсальность: для общих, часто универсальных проблем она ищет с помощью универсально значимых аргументов так же универсально значимые высказывания»¹². При общей убежденности в преимуществе демократической формы самоорганизации общества было бы недостаточно просто механически перенести ее на глобальный уровень и требовать глобальной демократии. Фундаментальная политическая философия начинается более глубоко, а именно с задач универсально-значимой легитимации, что аналогично универсальному критерию легитимации, обеспечивающему возможность всеобщего одобрения в силу всеобщего

---

¹⁰ В таких работах, как: *Politische Gerechtigkeit. Grundlegung einer kritischen Philosophie von Recht und Staat*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1987; *Kategorische Rechtsprinzipien. Ein Kontrapunkt der Moderne*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1990. Идея федеральной мировой республики нашла свое выражение в: *Völkerbund oder Weltrepublik // Höffe, Otfried (Hrsg.). Immanuel Kant. Zum ewigen Frieden*. Berlin: Akad. Verl., 1995. S. 109-132; *Vernunft und Recht. Bausteine zu einem interkulturellen Rechtsdiskurs*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1996; *Subsidiarität als Gesellschaft- und Staatsprinzip // Schweizerische Zeitschrift für Politische Wissenschaft*, 1997, S.259-290; *Für und Wider eine Weltrepublik, // Chwaszcha, Christine / Kersting, Wolfgang (Hrsg.). Politische Philosophie der internationalen Beziehungen*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1998. S.204-222; *Gibt es ein interkulturelles Strafrecht? Ein philosophischer Versuch*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1999.

¹¹ *Höffe, Otfried. Demokratie in der Zeiten der Globalisierung*. München: C.H. Beck, 1999. Краткое изложение основных идей находится в: idem. *Eine föderale Weltrepublik*, *Information Philosophie*. August 1999. 3. S. 7-19.

¹² *Höffe, Otfried, Demokratie in der Zeiten der Globalisierung*. München: C.H. Beck, 1999. S. 34.

преимущества¹³. Разрабатывая аргументацию, направленную на решение этих задач, Хёффе приходит к формулированию списка универсальных принципов справедливости, основными элементами которого являются универсальное правовое требование, принципы наибольшей равной негативной свободы и сравнительной позитивной свободы, универсальные требования правового государства и демократии¹⁴.

Хёффе разрабатывает теорию общественного договора, делающую первоначальный договор в силу двойной задачи легитимации на две части: первоначальный правовой договор (*pactum iuris*) и первоначальный государственный договор (*pactum iuris publicu*). Результатом первого договора является трансцендентальный обмен правами и обязанностями, направленный на формирование правил, норм человеческого общежития. Тем самым создается жесткий правовой порядок – единственное средство выхода из естественного состояния, характеризующегося анархической свободой и насилием. Первый принцип справедливости – универсальное правовое требование – гласит: «В качестве высшего проявления строгих всеобщезначимых правил право противостоит персональному произволу и персональному насилию и должно поэтому царить между людьми»¹⁵.

Альтернативой ошибочному поиску высшего блага являются интересы, обеспечивающие саму возможность действия. Это ведет к правам, которые принадлежат человеку только потому, что он – человек: к универсальным правам человека. Свою легитимацию права человека находят уже в первоначальном правовом договоре, из чего следует их догосударственный характер. Люди как «товарищи в праве» (*Rechtsgenossen*) должны взаимно гарантировать права человека. Государство обеспечивает их лишь вторично, опосредованно. Хёффе, конструируя права человека, опирается, как и Вольфганг Керстинг, на определенные антропологические предпосылки, а именно: человек есть *zoon* – живое телесное существо; человек есть *zoon logon echon* – существо, способное думать и го-

¹³ Ibid. S. 39.

¹⁴ Полный список принципов справедливости см.: *ibid.* S. 140-141.

¹⁵ Ibid. S. 61.

ворить; человек есть *zoon politikon* – существо общественное. Трансцендентальный обмен в ходе первоначального правового договора состоит из обмена отказами, негативной взаимности, что обуславливает негативные свободы, и из обмена действиями, что обуславливает позитивные свободы и социальные права. Вторая часть – оригинальный государственный договор – характеризуется взаимностью политического уполномочения, выражающегося в правах демократического участия. Без претензии на полный охват Хёффе определяет те права, в универсальном характере которых, по его мнению, трудно сомневаться. К ним принадлежат права на жизнь и телесную неприкосновенность, позитивные социальные права кооперативного и солидарного характера и политические права соучастия.

Государственная власть выступает как форма осуществления справедливости и ее гарант. Ввиду цели достижения реальной справедливости «товарищи по праву» обязаны стать «товарищами по государству», то есть заменить естественное правовое состояние публичным правовым состоянием в государстве. В соответствии с легитимирующим критерием первоначального правового договора и критерием распределительно-коллективного преимущества государство должно быть организовано по принципу разделения властей; любое господство должно осуществляться во имя народа и к его благу. Таким образом, универсальное требование правового государства – «Для реализации справедливости должно быть основано высшее проявление общественной власти – правовое *государство*»¹⁶ – дополняется принципом разделения властей и универсальным демократическим требованием.

Какая форма глобального политического устройства соответствует вышеуказанным универсальным требованиям и принципам? Отфрид Хёффе в своих работах использует четырехступенчатую модель мирового политического устройства. Он исходит при этом из критерия распределения властных полномочий, основанного на функциональном понимании феномена суверенитета. Хёффе выделяет: а) ультраминимальное государство

---

¹⁶ Ibid. S. 102.

(ultraminimaler Weltstaat – UMWS) как свободную ассоциацию государств, обладающую определенными предписаниями, но не имеющую властных структур, обладающих достаточной властью для обеспечения их выполнения. Действенность предписаний зависит от доброй воли государств и от баланса сил и интересов; б) минимальное государство (Minimalstaat – MS) как «либеральный сторож» идеала XIX века с минимальной передачей полномочий на супранациональный уровень с целью обеспечения исполнения ограниченного круга международно-правовых норм, служащих цели процессуальной организации международно-правового порядка; в) демократическое конституционное государство (demokratischer Verfassungsstaat – DVS). Наконец, считает Хёффе, и с ним, как и с Кантом, трудно не согласиться, всегда следует держать в уме возможность создания мирового абсолютистского или даже тоталитарного государства (absolutischer Staat – AS)¹⁷.

Возможен ли справедливый мировой порядок без мирового государства? Хёффе заявляет, что ни одна из соответствующих теорий международных отношений – стратегического мирового порядка, правления без правительства и демократизации мира государств – не может быть опровергнута. Первая – потому что гоббсианская модель очевидно не только не в состоянии обеспечить позитивные социальные права, но и не может гарантировать негативный мир, так как зависит от неустойчивого баланса сил, основанного на взаимном устрешении. Вторая – теория нового институционализма – ввиду того, что исполнение решений международных организаций и норм международного договорного регулирования не может быть обеспечено из-за отсутствия силы принуждения. Третья – те-

¹⁷ См., напр.: *Höffe, Otfried. Vernunft und Recht. Bausteine zu einem interkulturellem Rechtsdiskurs.* Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1996. S. 110; также: *idem. Für und Wider eine Weltrepublik // Chwaszcza, Christine / Kersting, Wolfgang Hrsg. Politische Philosophie der internationalen Beziehungen.* Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1998. S. 209. От данной схемы Хёффе отталкивается и в своей капитальной работе «Демократия в эпоху глобализации».

зис о мирной природе демократий – эмпирически подтверждается лишь частично (отношения демократий между собой, как правило, мирные; в целом, однако, демократии ведут не меньше войн, чем недемократические организованные государства). В любом случае, демократическая готовность к миру еще не обеспечивает надежного обеспечения мира¹⁸.

Опираясь на политическую и правовую философию Канта, Хёффе критикует неприятие им мировой республики. Государственность является необходимым условием правового состояния отношений между народами. «К конституирующим условиям такой республики республик относится по крайней мере минимальная государственность. По причине того, что ее нет в союзе народов – его структура есть структура ультраминимального мирового государства, – между тезисом второй окончательной статьи и обоснованием несущей его аналогии (государств и индивидуумов в общественном договоре. – *Е.В.*) лежит противоречие»¹⁹. Справедливый мировой порядок требует создания мирового государства. В качестве его рационально-теоретического обоснования выступает модель двухступенчатого общественного договора, соответствующего на глобальном уровне оригинальному общественному договору. Соглашение о преодолении международно-правового естественного состояния в международно-правовом общественном договоре обосновывает мировую республику государств. В нем государства соглашаются разрешать возникающие конфликты (здесь Хёффе пользуется формулировкой Канта) «гражданским способом, с помощью процесса, и не поварварски... с помощью войны»²⁰. Второй частью является всемирно-гражданский общественный договор, представляю-

¹⁸ *Höffe, Otfried. Demokratie in der Zeiten der Globalisierung, München: C.H. Beck, 1999. S. 267-295.*

¹⁹ *Höffe, Otfried. Völkerbund oder Weltrepublik // Höffe, Otfried (Hrsg.). Immanuel Kant. Zum ewigen Frieden. Berlin: Akad. Verl., 1995. S. 115.*

²⁰ *Kant, Immanuel. Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. §61 // Gesammelte Schriften. Ausgabe der Königlichen Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1902ff. Bd. VI. S. 351; (4 (2), 279).*

ший собой заключаемое индивидуумами соглашение о преодолении всемирно-гражданского естественного состояния.

Создаваемое мировое политическое устройство многосторонне и включает в себя национальные государства, международные организации и мировую республику, начинающую свой путь в качестве мировой конфедерации и постепенно перерастающей в мировую федерацию²¹. Не все проблемы следует переносить на наднациональный уровень. Напротив, принцип права на различие – еще один принцип справедливости у Хёффе – предписывает передачу необходимых властных полномочий и ресурсов на глобальный уровень только в тех случаях, когда национальные государства сами не могут справиться с решением той или иной задачи глобальной справедливости. Мировое государство должно быть, соответственно, основано на принципе субсидиарности. Национальные государства отказываются от части своего суверенитета и передают соответствующие властные полномочия на глобальный уровень. Объем передаваемых полномочий в теории Хёффе хотя и ограничен, но тем не менее широк. Права человека предписывают необходимость решения широкого круга проблем глобальной справедливости: установления глобального правопорядка и господства мира; установления справедливых рамочных условий действия, включающих широкий спектр мер – от международного поддержания конкуренции до гарантии минимальных социальных и экологических критериев; глобальной солидарности в устранении голода и нищеты. Принцип субсидиарности как первая колонна мировой республики должен обеспечить, во-первых, преодоление естественного состояния в отношениях между государствами и, во-вторых, выполнение социально-экономических задач, вытекающих из необходимости обеспечить права человека. Второй колонной мирового государства является федерализм, призванный гарантировать политические права мировых граждан.

²¹ *Höffe, Otfried. Demokratie in der Zeiten der Globalisierung, München: C.H. Beck, 1999. S. 293.*

Одной из причин, предотвративших Кантово решение в пользу мирового государства, являлось опасение перерождения мировой республики в «бездушный деспотизм» и «кладбище свободы»²². Хёффе в дискуссии с Кантом объявляет разделение властей на глобальном уровне и воплощение принципов федерализма и субсидиарности надежными преградами на пути деградации мировой республики. Большая часть властных полномочий остается на уровне национальных государств. Мировая республика станет государством вторичного, а в случае создания континентальных блоков – третичного характера²³.

Важную роль в философской теории Хёффе играет концепция мирового гражданства, гражданина мира и его добродетелей. Мировое гражданство у Хёффе опирается на Кантово всемирно-гражданское право. Путь от гражданина к гражданину мира является категорическим морально-правовым требованием. При этом, однако, мировое гражданство не является эксклюзивным. Напротив, мировой гражданин будет сначала (на примере европейцев) «немцем, французом и швейцарцем, секундарно европейским гражданином и дополнительно, третично, гражданином мира: «гражданином федеральной мировой республики»²⁴.

4. С Кантом за пределы его философии

Отфрид Хёффе указывает на исключительное значение философии Иммануила Канта для современной философии международных отношений. «Канту впервые удастся... развить до сегодняшнего дня важнейшую теорию как глобально-го, так и неограниченного во времени правового и мирного порядка. Подтверждающе или критически: почти все более

---

²² *Kant, Immanuel. Zum ewigen Frieden // Gesammelte Schriften. Ausgabe der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1902ff. Bd. VIII. S. 367; (6, 287).*

²³ *Höffe, Otfried. Demokratie in der Zeiten der Globalisierung. München: C.H. Beck, 1999. S. 316-318.*

²⁴ *Ibid. S. 337.*

поздние размышления соединены с ней»²⁵. Теория самого Хёффе более чем тесно соединена с философией Канта – как подтверждающе, так и критически. Несущая конструкция теории – двухчастный первоначальный общественный договор и двухчастный договор на глобальном уровне – имеет ярко выраженный кантианский характер. При том, что он отклоняется от кантианской модели своей двухчастностью, общественный договор у Хёффе имеет кантианский характер по трем основным причинам. Во-первых, Хёффе сохраняет двухступенчатость договора – за первоначальным общественным договором следует глобальный договор, обеспечивающий окончательное преодоление естественного состояния. На обоих уровнях происходит трансцендентальный обмен правами и обязанностями, и создается, таким образом, правовая основа человеческого общежития и мирного сосуществования государств. Во-вторых, субъектами международно-правового договора, обосновывающего мировую республику, у Хёффе, как и у Канта, являются государства. В-третьих, как никто иной в современной политической философии, Отфрид Хёффе придает особое значение концепции властных полномочий, или полномочию принуждения (*Zwangsbefugnis*). Именно возможность принуждения является у Канта необходимым условием права и правопорядка. Хёффе перенимает эту основополагающую идею и последовательно проводит ее на глобальном уровне. Этот упор на гарантированность права позволяет нам охарактеризовать Хёффе как, возможно, самого последовательного кантианца из современных нам политических философов.

Необходимым представляется замечание о характере принципов справедливости. В целом выходящие за пределы Кантовой философии, они в значительной части негативных свобод в полной мере соотносятся с Кантовым правовым учением. Критерий прав свободы (*Freiheitsrechte*) опирается на «Учение о праве». Направленный против незаконной «дикий» свободы, он требует наибольший масштаб свободы действия,

²⁵ *Höffe, Otfried. Demokratie ... S. 230.*

следующий общему закону и совместимый с аналогичным масштабом свободы каждого. Соответственно сформулирован Хёффе второй принцип справедливости, принцип наибольшей равной негативной свободы²⁶.

Идея принципа субсидиарности, являющаяся основным стержнем мировой республики, противоречит идее «союза народов» у Канта. Хёффе, как и Керстинг, основываясь на фундаментальных идеях Кантовой практической философии, в этом моменте аргументирует против принципиального неприятия разделения суверенитета. Частичный отказ от суверенитета должен сделать возможным основание мировой республики и осуществление категорических требований позитивного мира.

Глобальная государственная структура должна быть дополнена всемирным гражданством. Гениальная идея Канта о различии уровней международного и всемирно-гражданского права точно воспринимается Хёффе и находит свое отражение в концепции всемирного гражданства как необходимого дополнения к межгосударственному характеру мировой республики.

Вольфганг Керстинг в личных беседах признает себя кантианцем. Условием такого признания и определения своих философских теорий международных отношений как кантианских служит для него широкое толкование кантианства, так как в ортодоксальном смысле кантианцем Керстинг, безусловно, не является. Что же позволяет нам согласиться с самооценкой ученого?

Международная этика Керстинга – универсальная и деонтологическая по основным характеристикам. Он опирается на Кантово понятие права и возводит его, как и Кант, в ранг основного понятия международной нравственности. Его концепция правочеловеческого универсализма на антропологической основе имеет ярко выраженный правовой характер. Керстинг придерживается и линии глобального контрактуалистского аргумента Канта. Все это позволяет нам постулировать сильнейшее влияние философии Канта на творчество Вольфганга Керстинга.

---

²⁶ Ibid. S. 71, 140.

Что же отличает Керстинга от, например, ортодоксального кантианства? Многое. Прежде всего, сама основа его теории трезвого универсализма. Базируя свою теорию на антропологических предпосылках, Керстинг во главу угла ставит не Кантов чистый практический разум, а человеческие интересы. Его теория, как и кантианская теория справедливости Роулса, базируется, таким образом, исключительно на эмпирических предпосылках. По его собственному выражению, Керстинг ставит Кантову теорию «с головы на ноги» почти в буквальном смысле. Можно сказать, что центр легитимации перемещается «из головы в живот». Основой универсализма служат универсальные интересы – базовые потребности человека.

Точкой серьезных разногласий Керстинга с Кантом является проблема суверенитета. В ходе критического анализа философии Канта, отталкиваясь от его философии вечного мира на основе права, Керстинг приходит к убеждению о недостаточности моральной конфедерации для осуществления как Кантовой цели вечного мира, так и, тем более, для гарантирования прав человека (см. предыдущий раздел). Керстинг обосновывает концепцию многоуровневого суверенитета в рамках его функционального понимания. Это открывает дорогу к созданию супранациональных институтов, обладающих (на основе частичного отказа национальных государств от суверенитета) определенной властной компетенцией и силой принуждения. Только такие социальные институты могут обеспечить реальное исполнение правовых предписаний глобального мира. Помимо политико-организационной формы Керстинг выходит за пределы Кантовой теории и в характеристике того, что мировое политическое устройство призвано обеспечить. Вечный мир является, по сути, важнейшим элементом права на существование; перечень прав человека не ограничивается, однако, первой негативной группой прав, но и включает в теории Керстинга две группы позитивных прав – право на поддержание существования и право на развитие. Признание универсальности этих прав ведет к расширению задач мирового сообщества и соответствующему расширению полномочий демократически легитимированных супранациональных институтов.

Итак, мы можем постулировать кантианский характер философских концепций Отфрида Хёффе и Вольфганга Керстинга. Хёффе более последовательно, чем кто-либо другой из тех философов, концепции которых подверглись анализу, перенимает главные идеи философии Канта и кладет их в фундамент собственной философии. Кантовы идеи трансцендентального обмена в ходе преодоления естественной ситуации, необходимости гарантированности права, всемирно-гражданского состояния играют важнейшую роль в концепции Хёффе. Вместе с тем он, опираясь на Канта, выходит за пределы его философии, критикует его позицию по вопросу суверенитета и разрабатывает теорию субсидиарной и федеральной мировой республики. Керстинг, разделяя с Кантом его универсализм и деонтологизм, воспринимает многие важнейшие элементы его политической философии, прежде всего центральное значение права и контрактуализм глобального масштаба. Воспринимая фундаментальные категории и интуиции практической философии Канта, Керстинг и Хёффе творчески перерабатывают наследие великого кенигсбержца и выходят за пределы его философии, основываясь на его фундаментальных идеях. «С Кантом за пределы его философии» – вот краткая формула, характеризующая философские концепции Вольфганга Керстинга и Отфрида Хёффе.

ANDREA GENTILE
(Римский университет)

The notion of “limit” in Kant’s transcendental philosophy

A rational theory about man implicates a philosophical elaboration which characterizes human nature and human condition in his cognitive-practical manifestations and attitudes. Studying and analysing a theory about man in a metaphysical and ontological horizon, we can define and outline a notion which has a decisive philosophical and anthropological function in this particular direction of research: the Kantian notion of “limit”. What is the meaning of